

Елизавета Сергеевна Серб (Вакар)

Письма из Аргентины

От редакторов

*В нашем распоряжении оказались 11 писем Елизаветы Сергеевны Серб (в девичестве **Вакар**) из Аргентины родственникам в Россию. В них она рассказывает о своей жизни на чужбине. Елизавета Сергеевна родилась в 1924 году в Югославии в семье белоэмигрантов и никогда не была на родине ее предков, но отец и мать привили ей любовь к русскому народу, к русской природе, русской истории и культуре. Жизнь семьи Вакаров за границей перед 2-й Мировой войной, гитлеровская оккупация, лагеря беженцев после войны, эмиграция в Аргентину описаны хорошим, хотя и несколько старомодным русским языком и изобилуют интересными фактами. Мы лишь незначительно отредактировали это описание, соединив повествовательные части всех писем в единый текст, поместив в него ряд фотографий и краткие сведения об упоминаемых лицах. В нескольких случаях, для гладкости чтения, некоторые из слишком часто повторяющихся слов были заменены на синонимы.*

Жаль, что изложение событий прерывается в первой половине 50-х годов XX века. О дальнейшей жизни Елизаветы Сергеевны и ее семьи мы имеем лишь отрывочные сведения. Известно, что она окончила текстильный техникум и, как лучшая ученица была оставлена в нем преподавательницей. Ее дочь Елена Серб закончила медицинский факультет, стала врачом и параллельно преподавала в Университете в Буэнос-Айресе, муж ее тоже был врач. К сожалению, мы ничего не знаем о ее дочери Наталье и сыне Александре, даже их фамилия нам не известна. Они носят русские имена, но уже не говорят по-русски.

Письма были написаны в 2005 году. Елизавета Сергеевна до сих пор фигурирует в телефонной книге Буэнос-Айреса (Isabel V. Serb De), но наши попытки связаться с ней по телефону или письменно не увенчались успехом. Заметим, кстати, что отец Елизаветы Сергеевны Сергей Васильевич Вакар написал воспоминания "Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия". С ними Вы можете ознакомиться в Интернете. Если у Вас, читающих эти строки, есть какая-то дополнительная информация о действующих лицах, просим сообщить Андрею Полинскому (254rap@gmail.com) или Ивану Александрову (ivanalx@hotmail.com). Приятного Вам чтения.

Югославия, детство

Мое детство, - «золотая пора», было бесконечно счастливое и беззаботное, так как было окружено огромной любовью и лаской со

стороны моих любимых родителей (на фото родители **Елизаветы Сергеевны Вакар. Отец - Вакар Сергей Васильевич** (1892-1981) - потомственный дворянин. В 1911 году поступил в Варшавский политехнический институт, но не закончил его из-за начала 1-й Мировой войны. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище и вышел офицером в 1-й гусарский Сумской полк 1 февраля 1915 года. После революции 1917 года воевал в

Добровольческой армии Деникина, где дослужился до звания штабс-ротмистра. С разгромом Белого движения эмигрировал в Югославию. В ходе II мировой войны служил в Русском охранном корпусе (РОК) и воевал против югославских партизан. Взят в плен армией США. В 1949 году выехал с семьей в Аргентину, где и скончался в 1981 году. На новой родине он работал проектантом деталей машин на машиностроительном заводе. До конца жизни принимал активное участие в деятельности русских организаций в Аргентине. **Мать - Зинаида Викторовна Закопольская-Хведкевич** (1895-1981) разделила судьбу мужа. Скончалась в Аргентине в этом же 1981 году, похоронена рядом с мужем.

Родители любили искренно и преданно друг друга, окружая один другого заботами и верной дружбой. А я была для них основой и смыслом всей их жизни. Они меня бесконечно любили, отдавая на мое воспитание все свои силы. Воспитывали они меня в глубокой вере и любви к Господу Богу и к родине моей - России. Хотя родилась я на чужбине, но, как и у них, душа моя рвалась на Родину.

Папа очень много работал, чтобы улучшить наше скромное экономическое положение. На государственной службе он просиживал по 8 часов над расчетами и планами по постройке железных дорог. Одна из выдающихся его работ, за которую он получил награду от короля Александра, был мост через реку Дунай длиной в километр, который разбомбили американцы, когда ворвались в Югославию. Кроме того, он брал на дом частные заказы, чертежи, над которыми работал много часов по ночам. Но, несмотря на это, у него всегда было время для меня.

Мама вела хозяйство, радуясь, когда ей удавалось выполнить все, что она наметила. В то время не было холодильников, электрических утюгов, машин для стирки белья, газовых печек, душа. Надо было каждый день ходить на базар, утюг и печку разжигать углем, горячую воду согреть в

ведре на печке, и также без теперешних удобств готовить обеды и ужины. На все это уходило много сил, но она всегда была около меня и каждую минуту учила меня, как надо себя вести, чтобы быть достойной уважения женщиной. Проверять мои уроки тоже была ее забота. Она была строга и требовала от меня хороших отметок.

В школе я училась хорошо, но часто шалила в классе, так как была очень веселой и подвижной девочкой. Все отметки были хорошие. Но по поведению оценки часто хромали, и маме приходилось ходить в школу, чтобы узнать о моем поведении. В конечном итоге мне натягивали (дали) отметку, чтобы не лишать меня награды. Когда-нибудь опишу Вам все, что я вытворяла, но никогда не скрывалась. Всегда во всем сознавалась и говорила только правду. Никогда ни в чем не заставляла меня мама помогать ей в работе. Я только иногда ходила в лавочку за углом, не переходя дорогу, чтобы принести какой-нибудь нужный продукт. С семи лет я начала ходить в школу, и мой день проходил следующим образом.

Папа ездил на работу на велосипеде, и для того, чтобы меня по дороге завозить в школу, установил спереди у руля для меня креслице. В нем я со всеми удобствами приезжала в школу, а также из школы домой. После обильного, вкусного обеда папа немного отдыхал, а я рассказывала маме все, что происходило в школе. Отдохнув немного, я должна была садиться за уроки – это была моя работа и обязанность, которую мне надо было честно исполнить. Проверив мои знания, мама разрешала играть до ужина – самая счастливая пора. Вблизи нашего дома жили некоторые мои подруги, и мы собирались каждый раз у кого-нибудь в доме, но чаще всего собирались у меня, так как у нас был большой сад, и у меня было много всяких игрушек, качели, трехколесный, а потом и большой велосипед, ролики, крокет.

Мои родные снимали небольшой домик, но с очень большим участком в загородном районе, где папа разводил породистых кур, и подрабатывал, продавая их яйца. На роликах и велосипеде разрешалось кататься перед домом (он стоял на скате горки), а зимой катались на саночках. У меня всегда колени были расцарапаны, так как мне нравилась «быстрота», а на качелях я вытворяла всякие фокусы, которые для меня много раз кончались в кустах. Площадку для крокета папа сам выровнял, и много раз по воскресеньям играл с нами. Мы были настоящими друзьями и почти не ссорились. Когда приходило время отправляться спать, если это была зима, папа у кафельной печи нагревал мне одеяло, и, закутав меня в него, укладывал в кровать. И, как правило, которое нельзя было изменить, читал мне детские сказки и рассказы. Книги брались из русской библиотеки. Моей любимой писательницей была Чарская. Когда уже у меня глаза совсем закрывались, тушился свет, и, поцеловав меня крепко, папа садился за ночную работу. Мама позволяла себе просмотреть газету.

К слову, вспомню один случай. Мама очень любила котов, папа их только терпел. Так как у нас был большой сад, то соседи, зная мамину любовь к котам, подбрасывали нам маленьких котят. Подобрал котенка, мама уверяла папу, что он будет жить только в сарае, на что папа соглашался. Но скоро котенок оказывался в прихожей, а оттуда было недалеко и до спальни. Одно время у нас было восемь кошечек, и все они жили кто на диване, кто на кровати, кто на шкафу, кто под столом и т. д. Однажды папа сел за ночную работу, был очень длинный проект, который папа вычерчивал тушью. Рисунок был таким длинным, что не помещался на стол и концы его с двух сторон стола свешивались до самого пола. И вдруг одному из котенков вздумалось прыгнуть на стол. Вскочить он не смог, оборвался, и, вцепившись когтями в рисунок, докатился до самого пола, разорвав всю эту часть рисунка. Папа побледнел и остоленел, мама и я поскорее забрали котенка и спрятали его в другой комнате. Когда папа пришел в себя, спокойно молча сел за работу и начал заново вычерчивать порванный кусок. Вскоре и мы появились около папы, и жизнь пошла нормальным путем.

Еще один незабываемый случай. Мне было 8 лет. За всеми детьми в школу приходили родители, никого не выпускали на улицу одного. Мои родители вели большую дружбу с семьей, чья дочка Таня, на год старше меня, ходила в ту же школу. За ней также всегда приходила ее мама. В день именин Тани наши родители договорились, что танина мама возьмет и меня вместе к ним домой на обед, а потом часов в пять придут и мои родители к ним в гости. Было все хорошо договорено, но почему-то Таня в тот день в школу не пошла, и, конечно, ее маме не нужно было идти за ней в школу. Рухнули все мои надежды весело провести день. Но нельзя сдаваться, нужно бодро идти вперед. До сегодняшнего дня не знаю, как мне удалось проскользнуть незаметно через парадную дверь и очутиться на улице. Я знала, на каком трамвае мы ездили к Тане. Я села в этот трамвай, но не знала где нужно выходить, проехала нужную остановку и заехала очень далеко. Наконец, решила выйти из трамвая и, уже вся в слезах, очутилась на совсем незнакомой мне улице. Кто-то из прохожих увидел такую картину: ребенок зимой один плачет, остановился, как-то разузнал, что случилось и к моему большому счастью, повел меня по адресу, который я ему сказала. Слава Богу, что я его знала. Пришла я в гости к Тане не на обед, а совсем незадолго до прихода моих родителей.

Когда все раскрылось, мои родные пришли в ужас и страшно разгневались на меня, и, конечно, я оказалась строго наказанной. Никогда, ни разу, ни Папа, ни Мама меня не ударили или поставили в угол. Наказание заключалось в том, что со мной переставали разговаривать до того момента, пока я, хорошо раскаявшись, не попрошу у них прощения. В данном случае также ко мне не обратились ни с одним словом. Ужин подали мне мама молча, послали спать молча, и я должна была за ночь одуматься и утром попросить прощения. Я легла в кровать, и горячо прижавшись к моему большому меховому Мишке, через слезы уверяла

его, что я ничего плохого не сделала и что, конечно, он, мой друг, меня очень хорошо понимает. Утром я просила прощения, обещав всегда вести себя хорошо. Этот случай послужил моей Маме основой для ее дальнейших длинных рассуждений, что могло быть со мной, и как мне надо дальше себя вести. Конечно, я, в конце концов, все поняла и больше никогда так не шалила.

Когда приходили суббота и воскресенье, в мою жизнь входила большая радость – ехать на прогулку. Папа очень любил природу, и эту любовь передал мне. В Югославии очень разнообразная и очень красивая природа, море, горы, степь, леса и все это находилось очень близко от Белграда. Югославия всего по длине имела 800 км, а по ширине 400 км. За пару часов поездом можно было попасть в любое выбранное место. Так как Папа работал на постройке железных дорог, он имел большую скидку на проездной билет, а 3 раза в год совсем бесплатные билеты на всю семью. Таким образом, это удовольствие было нам вполне доступно.

К сожалению, Маму укачивало в поезде, и она начинала себя очень плохо чувствовать, так что нам приходилось ездить вдвоем на короткие прогулки. Когда же у Папы был отпуск на две недели, то Мама ездила с нами. Еще поезд не успевал отойти, как мы укладывали Маму на диван, а когда приезжали в выбранное место, Мама два дня отлеживалась в гостинице. Но Папа хорошо справлялся со мной - маленькой. Часто мы в субботу выезжали ночью, чтобы в воскресенье быть на месте, а обратно также выезжали ночью, чтобы в понедельник Папа успевал бы попасть на работу, а я в школу. Не уставали, высыпались в поезде, где были удобные мягкие диваны. Мама в дорогу нам приготовляла разную закуску, которую мы разворачивали где-нибудь на берегу моря, или на верхушке горы, куда добирались пешком, или у озера, окруженного лесом. Любовались природой. Когда я стала старше, стали брать велосипеды, и папа составлял план, чтобы с одной ветви железной дороги попасть на другую, проехав на велосипеде 10-20 км. По случаю наших прогулок Папа написал мне стихи.

Еще большим удовольствием было для меня Рождество. Радостно было украшать с Папой елку и получать подарки от Деда Мороза, которого я ждала, забравшись к Папе на колени, но который, по словам Папы, приходил всегда, как только я засыпала.

Не могу окончить описание моего детства, не упомянув моего Отца Крестного, который также занимал место в моем детском сердце, и память которого Павлик и я почитаем до сегодняшнего дня (*фото с подписью - "Мой крестный отец, есаул Кубанского казачьего войска, Алексей Григорьевич Богословский"*). Алексей Григорьевич родился в 1888 году. Участник 1-й Мировой и Гражданской войн (в

Русской армии и Вооруженных силах Юга России). Есаул, кавалер Георгиевского креста 4-й ст. Во время 2-й Мировой войны - унтер-офицер Русского корпуса, преподаватель 1-го Казачьего имени атамана Платова юнкерского училища. 8 мая 1945 года взят в плен британскими войсками, 29 мая 1945 года выдан советским властям. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР по статье 58 УК РСФСР и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в г. Новосибирск в 1949 году.

Горный инженер и инженер путей сообщения (он еще в России окончил два факультета), лет на 10 старше Папы, сосед по имению в Тамбовской губернии, он большую часть времени проводил на стройке в провинции, но много раз по работе должен был быть в Белграде. Тогда он останавливался у нас в маленькой комнатке. Когда его Папа пригласил быть Крестным Отцом, он поставил условие, что будет крестить только мальчика. У него было два сына, убитых во время революции, и в это же время умерла его супруга. И вдруг родилась я. Как-то уговорили, но потом он меня крепко полюбил и страшно баловал.

Например, зная, что я очень люблю орехи, он из провинции присылал мне почтой ящики с только что собранными с дерева орехами. Этот ящик хранился у меня под кроватью, чтобы можно было в любой момент, спустив с кровати руку, достать их и кушать без счета. Иногда, когда мама начинала меня «учить», можно было постучаться к нему в комнату, сразу же открывалась дверь, и быстро он пропускал меня к себе, а маме говорил: «Зинаида Викторовна, не волнуйтесь, Люся у меня». Над кроватью у него висел ковер, на котором были вытканы два замка. В одном замке жил хороший, а в другом плохой зайчики, и тут начинался рассказ об их жизни, в которой всегда побеждал хороший. В день его именин или рождения я ему дарила какой-нибудь рисуночек мною нарисованный (рисовать меня учил папа), и потом он развешивал их в своей комнате в провинции. В наших коротких прогулках мы часто бывали у него.

Гимназия

В одиннадцать лет я поступила в гимназию и там началась новая пора моей жизни. Русское царское правительство кроме здания в Белграде владело большим участком земли в центре города напротив королевского дворца. Король Александр I не признал советское правительство, и все это перешло в руки эмигрантов. С помощью короля и сербского патриарха, которые получили свое образование в царской России, на этом участке был построен дом имени императора Николая II. На верхнем этаже Русского дома были расположены разные организации, там выдавали документы, пособия и различные справки. Также в доме было отведено помещение для русских гимназий: русско-сербской женской и русско-сербской мужской.

Занятия в женской гимназии были по утрам, с восьми до двенадцати часов, а в мужской - с двух до шести часов вечера. Таким образом, мы

пользовались одним помещением и сидели за одними и теми же партами. Над гимназией была начальная школа. Был также большой внутренний сад, в котором мы гуляли в хорошую погоду во время переменок. После занятий мы выходили из гимназии и часто встречались с нашими одноклассниками. Будучи уже в старших классах, я начала ездить в гимназию на велосипеде, но эта попытка кончилась для меня печально. Шалуны-мальчишки, пользуясь перерывом, прокололи мне шины во многих местах, и обратно велосипед ехал всю дорогу на моей спине.

В доме был также большой театр, где ставили пьесы русских писателей, русские оперы, классический балет. Нам - гимназисткам можно было ходить туда только со старшими или по особому разрешению, которое выдавало гимназическое начальство. Спектакли ставились опытными режиссерами, которые начали свою карьеру еще в России, и которые имели свои школы, где обучали свежие силы для новых постановок. Участвовали в них и просто любители, которые хотели ближе познакомиться с искусством. Одним из таких любителей оказалась я.

Моей маме очень нравился классический балет, и она записала меня на уроки, когда мне было девять лет. Она водила меня два раза в неделю на эти уроки. Пока нас учили, родители сидели в зале и наслаждались нашими успехами. В конце года гимназия устраивала выпускной вечер в театре, и все мы получали какую-нибудь роль. Мама так увлеклась, что сама шила мне костюмы. Но у меня почти ничего не получалось, не было терпения изящно делать "па". Мне нравилось прыгать, скакать по сцене и мешать всем. Когда мне исполнилось 12 лет Мама убедилась, что балет не для меня, и моя карьера окончилась к моему большому сожалению, но не потому, что я кончила танцевать, а потому, что лишилась вкусных пирожных. После урока мы всегда заходили в кондитерскую, где я поглощала любимые сладости.

Однажды нам в гимназии объявили важную новость: из Парижа в Белград приезжает Шаляпин и дает бесплатный концерт для гимназисток и гимназистов. Мы срочно начали изучать жизнь и карьеру Шаляпина. Все с большим волнением ожидали его приезда. В назначенный день мы собрались в театре и не могли дождаться, когда поднимется занавес. И вдруг, свет погас, и занавес поднялся. На сцену вышел довольно высокий человек, закутанный в длинный шарф. Горло и рот его были несколько раз обернуты шарфом, через который он очень непонятно пробурчал, что у него болит горло, и петь он не может. Извинился и ушел. Видимо, он не привык петь бесплатно, а дети русских эмигрантов его очень мало интересовали. После всех наших рассуждений и разговоров остался неприятный осадок по сей день.

В самом нижнем этаже Русского дома был большой зал, в котором мы занимались гимнастикой. Там были всякие гимнастические снаряды, которые убирали, когда нужно было превратить помещение в танцевальный зал, или когда там ставили большую Рождественскую елку. Иногда по воскресениям гимназия пользовалась залом, устраивая танцы

для гимназисток, гимназистов, кадетов, институток и молодых юнкеров, окончивших гимназию и поступивших в сербские военные училища. Кадетский корпус и Институт благородных девиц были устроены по всем правилам царской России и находились не далеко от Белграда. Всегда кто-нибудь приезжал в отпуск, и мы встречались с ними. Танцевать мне никогда не нравилось, и эти вечера я не посещала. Мама старалась привить мне скромность, и поэтому никогда не восхищалась моей внешностью, находя в ней много дефектов. Из-за этого я была уверена, что меня никто не пригласит танцевать, а подпирать стенку не хотелось. У меня было много других развлечений.

Там же была наша домашняя гимназическая церковь, в которую мы ходили по очереди: одно воскресенье - мы, другое - гимназисты. Таким образом, приходилось два раза в месяц ходить к обедне. Стоять в церкви надо было чинно и внимательно следить за службой, которая бывала довольно длинной. Однако, мы умудрились "облегчить наше положение". Одной из наших подруг часто становилось плохо от ладана, и она падала в обморок, но чаще бывало, что она "падала" для того, чтобы мы, стоящие близко к ней, на некоторое время покидали службу. Нескольким гимназисткам нужно было поднять ее с пола, вынести в раздевалку и там стараться откачать. Это освобождало нас от службы на какое-то время. Ни одна учительница не догадывалась об истинной причине нашего отсутствия, и нам все сходило с рук благополучно.

У гимназисток была парадная форма - коричневое платье и белый фартук - и каждодневная - то же коричневое платье и черный фартук (передник), на котором в случае "большой нужды" можно было обыкновенным черным карандашом написать шпаргалку. Шпаргалки обычно выручали на письменных работах, при условии, если не заметит преподаватель. У меня был кол по латыни и по французскому языку, но фартучек не спас меня. Во время стирки все смывалось и опять оставалось "чистое поле для действий". В парадной форме мы ходили на особые собрания и празднества, которые устраивались в гимназии, а также на выпускной акт, организуемый по окончании учебного года в нашем театре. В этот день приглашались все родители, причем первые ряды в театре предназначались для родных, чьи дети получили награды за успехи в учении. Каждый год в одном из этих рядов сидели мои Папа и Мама. Я хорошо училась, всегда получала награды, и мое хорошее учение перекрывало мои наивные шалости.

Кроме того, я получила награду за то, что за 6 лет учения не пропустила ни одного урока. Мама разрешила бы мне пропустить уроки, если бы у меня температура поднялась много выше 37 градусов, но у меня было очень хорошее здоровье, и температура никогда не превышала этой цифры. Как только я закапризничая, Мама ставила мне градусник, который, однако, меня не выручал, и приходилось отправляться в школу при любой погоде. Пропустить занятия законно можно было только тогда, когда температура воздуха зимой опускалась ниже 20 градусов. Однажды

была сильная буря. Падал снег и завывал ветер, но мне все равно пришлось идти в гимназию. Пока я шла по тротуару, я держалась за решетки или за стенки домов, но вот - передо мной большая площадь. Что делать? Держаться не за что, а идти надо. Я пошла, но через несколько шагов порыв ветра поставил меня на колени, и так, на коленях я перешла всю площадь, подгоняемая ветром. Исполнению своего долга в жизни и в работе меня учили Папа и Мама своим примером. Мама в бурю пошла на базар, а Папа - на работу.

Все русские и сербские гимназистки должны были ходить по улицам в беретах, на которых у сербских гимназисток был вышит золотой треугольник, а у нас - золотой ромб, внутри которого стояла цифра, обозначающая класс. Кроме того, мы всегда должны были иметь при себе "джачка книжица", т.е. ученическую книжечку, в которой были все данные: имя, фамилия, адрес, год рождения и гимназия, в которой учились. На улице надо было вести себя прилично, не шуметь и не шалить. За этим был строгий надзор со стороны правительства.

Были среди нас распространены и народные приметы. Например, если черная кошка перебежит дорогу - будет неприятность. Но еще большая беда ожидает того, кто встретится со священником, идущим тебе навстречу. Для того, чтобы избавиться от всего плохого надо было эту темную силу передать кому-нибудь другому, и таким образом спастись от неприятностей. Эта передача выражалась в том, что надо было коснуться рукой другого человека и сказать "баксус". Не знаю, как перевести это слово. И вот, однажды я с моей лучшей подругой, которая жила рядом с нами, возвращались из гимназии домой. И вдруг, о ужас, нам навстречу идет священник. Так как мы шли рядом, то коснуться рукой и сказать "баксус" было не трудно. Я ей, а она мне передавали плохую силу. Но мы вошли в азарт, и расстояние между нами стало увеличиваться. Дошло то того, что мы далеко отскакивали друг от друга и все громче кричали "баксус", забыв, что священник идет нам навстречу и за всем наблюдает.

Вдруг мы очутились почти в висячем положении. Одной рукой священник схватил за ухо меня, а другой - мою подругу. Началось длинное наставление про то, что батюшку надо уважать, что тот, кто проповедует учение Христа, несет добро, а не зло, и что глупые шутки надо забыть. Но хуже всего то, что он потребовал наши "джачки книжицы", откуда узнал наши имена и место учебы, пригрозив, что завтра придет в гимназию и пожалуется начальству. Не описать все наши переживания. Каждую минуту мы ожидали, что в классе откроется дверь, войдет классная дама и отправит нас к директору, в кабинете которого мы встретим нашего "врага" - священника. Но проходили часы, дни, и даже недели. Мы жили под гнетом страха, но он к нашему большому счастью в гимназию не пришел, и все кануло в вечность вместе с нашей юностью.

К слову: как во всех русских церквях, в Югославии, в гимназической церкви очень торжественно справляли Пасху по всем правилам нашей православной церкви. Во время поста надо было каждое

воскресенье ходить в церковь, а на страстной неделе - каждый день. Целую неделю не было занятий в гимназии. В понедельник, вторник и среду по утрам (в среду еще и после обеда) мы ходили к исповеди. Надо было чинно стоять в рядах (никто не падал в обморок, нельзя было грешить перед исповедью), внимательно слушать, что читает дьячок, и по очереди подходить к священнику. Утром в святой четверг мы причащались. Служба была очень красивой, отлично пел наш гимназический хор, мы были нарядно одеты, лица у всех - веселые, на душе - радость. (Мне очень хотелось петь в хоре, но учитель музыки меня забраковывал. Несколько раз я подходила к нему с просьбой попробовать мой голос, но каждый раз проваливалась. У меня, также как и у Мама, нет никакого слуха, а Папа хорошо, по слуху, играл на рояле).

В пятницу в 2 часа дня мы ходили на вынос Плащаницы, а в субботу, в 12 часов ночи - к Заутрене. Когда я была маленькой, мне никак не удавалось досидеть до момента, когда нужно было идти в церковь. Часов в 9 я засыпала в моей уютной и теплой кровати. Никак мне не хотелось оставлять ее и идти в холодную ночь. Но, придя в церковь, радостное настроение молящихся передавалось мне, и начинался праздник. По окончании службы все, кто был в церкви, христосовались между собой. Один говорил: "Христос Воскресе!", а другой отвечал: "Воистину Воскресе!", и они трижды целовали друг друга в щеки. Придя домой, все садились за стол, чтобы разговляться. До этого момента в субботу соблюдался строгий пост, и ничего не ели.

По обычаю, в столовой накрывался большой стол, который не убирали все воскресенье и даже понедельник. На стол ставилась разная холодная закуска и, обязательно, кулич, сырная Пасха, крашеные яички и, конечно, водочка. Водочку Мама сама делала заранее. Шкурки от лимона и апельсина заливала раствором воды и спирта и некоторое время держала на солнце. Покупная водка была очень дорога. Также Мама пекла куличи, а мы с Папой раскрашивали яички. В воскресенье все друзья и знакомые поздравляли друг друга с праздником. Белград был небольшим городом, мы все жили близко друг от друга и ходили в гости пешком, только в крайнем случае пользовались трамваем.

Традиция была следующая: глава семьи - муж обходил семьи своих друзей и от всей своей семьи поздравлял хозяйку, так как в доме была только она и дети. Хозяйка обязательно усаживала гостя за накрытый стол и начинала угощать холодными закусками, яичком с хреном, водочкой, а потом кусочком кулича и сладкой сырной Пасхой. Отказаться пробовать кулинарное искусство хозяйки было нельзя, чтобы ее не обидеть. Так, из первого дома переходили во второй, из второго - в третий и т.д. Везде та же история - закуска, водочка, сладкое. Гостю приходилось кушать много, хозяйке же дома удавалось класть себе меньшие кусочки, а то, и вообще избежать каких-нибудь блюд, в особенности водочки. Достаточно было чокнуться и выпить глоточек. Мужчины долго приходили в себя на

следующий день после пиршества. Пасха праздновалась три дня Святой недели: понедельник, вторник и среда.

30 июня 1943 года, в день окончания гимназии в Белграде, я получила от Мама послание, которое храню до сих пор. ***"Люсенька! С малых лет я тебя воспитывала ко всему лучшему и благородному. Старалась внушить тебе искренность, отзывчивость, любовь к Богу, Родине и ближнему. Я всегда говорила тебе, что ни внешняя оболочка, ни красота, ни лоск, ни богатство играют главную роль в жизни, а побеждает скромность и доброта сердечная. Итак, моя милая, горячо любимая Люсенька, помни мои советы и оставайся всегда и везде скромной и честной. Будь достойной представительницей нашего старинного, гербового рода. Твоя Мама"***.

Начало войны

В марте 1941 года Югославия оказалась на пути Гитлера из Берлина в Россию. Королем был тогда Петр, - молодой, еще несовершеннолетний сын убитого масонами во Франции покровителя всех русских эмигрантов короля Александра. Его заменял родной дядя Павел Карагеоргиевич. Гитлер, якобы, сказал этому "дяде", что ничего не тронет, если тот разрешит его войскам пройти через территорию страны. Подумав, Павел при поддержке правительства решил пропустить немецкие войска, зная, что у Югославии нет возможности воевать с немецкой силой, и заключил с нацистами союз.

История Сербии всегда была связана с Россией и Францией. Чувство дружбы к своим историческим союзникам было глубоко заложено в народе, и народ восстал, когда было объявлено об этом решении. Все, кто только мог, вышли на улицы, разбили немецкое посольство и их автомобили, бушевали перед королевским дворцом, требуя от короля разорвать подписанный договор, что он и сделал. Наступило затишье перед грозой. Две недели шла нормальная жизнь, и сербы начали думать, что Гитлер их испугался, и они его победили. Но не тут-то было.

6 апреля 1941 года (я была тогда в шестом классе гимназии) выпало на воскресенье. Утро ясное, небо голубое, солнышко ласково светит. Обычно в воскресный день почти все жители Белграда позволяли себе «побаловаться», не торопясь рано вставать с постели, как в будние дни, чтобы идти на работу. У нас дома играло радио. Передавали красивые народные песни. Мы собирались пить чай - Мама, Папа, мой крестный отец, гостивший у нас, и я. Вдруг, в 7 часов утра раздался непонятный, отдаленный гул, который становится все громче и страшней. Папа и я вышли на балкон, невольно взглянули на небо, так как шум шел оттуда. Все небо было усеяно маленькими точечками, которые красиво блестели в лучах солнца. Папа сказал: "Это самолеты, но не сербские. У нас нет такого количества (их было 1000 штук). Это немцы, это война".

Не успел он закончить фразу, как самолеты начали вертикально пикировать с огромной высоты почти до самой земли, бросая большие

бомбы. Послышались первые взрывы. Радио прекратило передачу песен и спешно объявило: «Немцы напали на Белград без объявления войны» и замолчало. Мы быстро вошли внутрь, где с неммым вопросом в глазах стояли Мама и мой крестный отец. И вдруг все закипело, все застонало, бомбы падали вокруг дома. Силой воздуха с рамой вместе выбило у нас два окна, посыпались осколки стекол. Папа быстро приказал всем нам залезть под большой дубовый стол, спасаясь от этих осколков и штукатурки. Там же оказалась и наша собачка. Все мы горячо молились, а кругом разрывались бомбы. И тут я почувствовала, что Христос стоит около меня, и услышала, как Он сказал мне: «Не бойся, с тобой ничего не случится». Сбылись Его слова. Все мы пережили войну.

Первый налет продолжался больше часа. Когда мы вышли на улицу, мы ее не узнали. Не было многих соседних домов, стертых до основания. Некоторые, как ножом, были перерезаны пополам. Виднелись лишь груды кирпича. Прямо напротив нашего дома висела огромная бомба, зацепившаяся кончиками своего парашюта за балкон и за ветки столетнего дерева, стоявшего около балкона. Взорвись она, от нас бы ничего не осталось. С небольшими промежутками налеты повторялись. И так - в течение всей недели.

Сербия не была подготовлена к войне. Начали спешно оборудовать убежища, готовить подвалы в больших домах, а для тех, у кого их не было, устраивать убежища в парках. Это сыграло роковую роль для населения. Летчику с низкой высоты полета было отлично видно, как люди бежали в ближайшие к ним парки. Туда-то они и бросали бомбы. За одну неделю погибли 20 000 человек (всего в то время в Белграде было 200 000 жителей). После первых налетов город опустел. Сербские войска отступили от города, также убежало правительство, полиция, власть. Король со всей семьей уехал в Англию. Сербь, которые имели деньги, родственников или знакомых в провинции, убежали из Белграда. Остались бедняки, в том числе мы - русские. Наша семья состояла всего из трех человек, все родственники остались в России. Друзей среди сербов не было, были знакомые по работе, соседи. Бежать нам было некуда.

Напротив нашего дома был большой пустой участок земли. Раньше думали, что на нем устроить: базар, парк, школу. Начали копать там убежище. Но в почве показалась вода, и работы прекратили. Остались только рвы, куда мы, по решению Папы, ходили спасаться. Теперь мы скрывались в довольно глубокой канаве, в которой нас не могло засыпать, а от прямого попадания смерть не страшна. Я - высокого роста. Лежа в канаве, мне казалось, что ноги мои очень далеко от меня, и я старалась их поджать под себя, но это не удавалось. Из этого же рва я видела очень ясно лицо немецкого летчика в черной маске, пролетающего очень низко над самыми нашими головами.

Сербская авиация не оказывала сопротивления, и немцы владели небом. Папа объяснил, что для нас опасны те самолеты, которые еще не долетели до нас, так как их бомбы, падающие под углом, могут попасть в

нас, а те, которые над самой головой, - нам уже не страшны. Белград бомбили беспощадно, все кругом было разбито. Уже не было никаких властей, мы остались на произвол судьбы. Начались грабежи. Грабители пользовались разбитыми магазинами и домами, и тащили оттуда все, что им попадалось под руку. Меня поразила картина, когда один вор с большим трудом тащил мимо нашего дома, скатанной в трубку огромный ковер. Что он думал с ним делать? В этих условиях русские соседи устроили самоохранение от мародеров. При появлении подозрительных лиц вблизи какого-нибудь из наших домов, хозяин этого дома начинал стучать крышками кастрюлек, а все отвечали те же самым. Желаящие грабить нас от оглушающего стука смывались. Так, под бомбами, среди пустого, темного, разбитого города, питаюсь скромными запасами, мы и жили.

Через неделю в воскресенье в Белград вошли немецкие войска. Сербская армия, давно отступившая вглубь страны не могла оказать никакого сопротивления, и немцы без боя заняли город, послав вперед лишь трех солдат на мотоциклетах. Вся война продолжалась еще неделю. За две недели немцы оккупировали всю страну. Среди русских были убитые, но большинство, также как и мы, остались в живых только по Милости Божьей.

Оккупация

Когда немцы вошли в Белград, они строгими мерами навели порядок. Мародеров расстреливали на месте. Больше трех человек нельзя было собираться на улице, а после 10 часов вечера вообще нельзя было выходить из дома. Также начались и большие лишения – голод, холод и бесконечные воздушные тревоги, которые продолжались четыре года, и изнурили всех нас. Пока сербы участвовали в войне, не было никакой помощи со стороны американцев и англичан, но когда немцы оккупировали страну, они начали довольно часто бомбить нас под предлогом, что выгоняют оккупантов. Однако, страдало мирное беззащитное население, - их союзники, которое все время жило под страхом налетов. Часто тревоги кончались благополучно, когда американская авиация только пролетала через Сербию, чтобы бомбить, главным образом, румынскую нефть. Мы уже не занимались в гимназии, нас всех без экзаменов перевели в следующий класс, то есть в седьмой. Надо было еще проучиться два месяца, май и июнь. Каникулы начинались в июле и до сентября. Нигде еще не возобновились работы в государственных учреждениях, и Папа оставался без работы.

И вот в этот момент раздался призыв всем белым эмигрантам встать на защиту идеи – борьбы против коммунизма и пойти в ряды нового формирующегося Русского корпуса. В это время все верили, что немцы идут против коммунизма, а не против всего русского народа, что

выяснилось только потом. Идея создания Русского корпуса заключалась в продолжении борьбы, но с помощью немцев. Этот призыв охватил всех, кто только мог носить оружие. Из 22-х моих одноклассников 16 шестнадцатилетних мальчиков поступили в Корпус. Я очень жалела, что я девочка, а не мальчик. Также было много уже не молодых, за 65 лет. Папе было 49 лет. Конечно, у нас тоже в доме были большие радостные волнения. Настал час опять послужить дорогой, горячо-любимой Родине.

Папа поступил в Корпус с благословения Мамы, и я провожала его до казарм. Я помню, как, крепко прижавшись к Папе, взяв его под руку, и с высоко поднятой головой я шла по улицам, зная, что я провожаю Папу на подвиг за Россию. Но как мы жестоко ошиблись! Так же как и первые русские военнопленные, которые без боя сдавались немцам. У меня была подруга, которая хорошо знала немецкий язык и устроилась переводчицей в лагерь русских военнопленных. Она насмотрелась там ужасов, видя, как обращались немцы с пленными. Один эпизод поразил ее на всю жизнь. Пленные были изнурены от голода. Зная это, немецкие солдаты с вышки (охранной) начали бросать на площадку булки хлеба. Когда бедные, голодные люди бросились поднимать их, они начали расстреливать всех, кто оказался на площади.

Создавая Корпус, немцы руководствовались только своей выгодой. Им совсем не нужны были идейные патриоты. Они были бы лишними на русской земле. Но им были необходимы части, которыми можно было бы воспользоваться, поставив их на охрану нужных им пунктов в Югославии от нападения сербских партизан. А во время отступления - оставить их последними подразделениями, которые принимали бы на себя удары тех же партизан. Но со временем, пережив все, и узнав всю правду немецкой политики, я горячо, горячо благодарю Господа Бога, что Он по своей великой милости не допустил Корпус на русскую землю, и не допустил, чтобы русские эмигранты воевали против русских героев, которые защищали не коммунизм, а родную им Родину от ворвавшегося врага.

Мы остались с Мамой одни. Нам выдали продовольственные карточки, но это было голодное существование. Хуже всего было то, что не было ни дров, ни угля. Не было возможности готовить еду. Кушали, главным образом, полусырую кукурузную муку без всяких заправок. Через Белград протекает довольно большая река Сава, и в ней было много островков. У родных моей подруги была лодка для летних развлечений на воде. И вот мы вдвоем, с большими мешками за спиной на лодке доплывали до островка, и там наламывали ветки с деревьев, которые приносили домой, но которых хватало только на приготовление еды. Зимой холод был в комнате такой, что стены покрывались льдом. Но все же начались занятия в гимназии. Я была в седьмом классе. Зимой мы сидели в пальто, в перчатках, с теплыми шапочками, а ноги прикрывали тряпками. В чернильницах замерзали чернила. Кончились все шалости. Занятия часто прерывались тревогами, когда надо было спускаться в подвал.

В такой обстановке мы проучились два года. Подошло время окончания гимназии. Чтобы получить аттестат зрелости, надо было сперва окончить восьмой класс, а потом сдать письменные экзамены по русскому, сербскому языкам и по математике. Таким образом, экзамены продолжались три дня. Для этого на каждый экзамен собиралась особая комиссия, состоящая из всего нашего гимназического начальства и из представителей от сербского министерства просвещения. В большом зале расставлялись столики на расстоянии одного метра один от другого во все стороны. На каждую из нас полагался столик. Когда мы входили в зал, то подходили к столу экзаменационной комиссии, и нам выдавали листы бумаги, на которых надо было писать ответы. Было несколько тем, написанных на доске, которые раздавались нам по усмотрению комиссии.

В первый день был экзамен по русскому языку. По дороге в гимназию находилась сербская православная церковь, и я решила зайти в нее и попросить у Господа помощь в написании хорошей работы. На второй день был экзамен по сербскому языку. Я повторила посещение церкви и горячую просьбу помочь мне. На третий день был экзамен по математике, - мой любимый предмет, - который я очень хорошо знала. Я зашла в церковь, но с другим настроением, с чувством, что я все хорошо знаю и вообще мне помощь не очень нужна. За эти мои мысли меня Господь сильно наказал, и на всю жизнь научил, что «без Бога не до порога».

Когда я вошла в зал, то получила листы бумаги и уселась за свой столик. Очень быстро и хорошо справилась я со своей задачей, и у меня оставалось еще много времени. За мной сидела моя самая лучшая подруга, которая хромала по математике. И вдруг, я слышу за моей спиной умоляющий шепот о помощи. Что делать? Надо выручать подругу. Взяв кусочек листа от оставшихся у меня, я на нем решила задачу. Скатав его в комочек и уловив момент, я его перебросила ей. Все было хорошо, но в момент окончания экзамена, когда надо было сдавать работу, произошел скандал. Я не знала, что листы выдавались по счету, и когда я подала мою работу, оказалось, что не хватает листа. Член сербской комиссии строго спросил меня: "Где листок?" Я ответила, что он остался в столике. - «Принеси мне его». Я пошла к столику, но моя подруга так испугалась, что, потеряв чувство осторожности, бросила мне мой листок, который, конечно, упал на пол между нашими столиками. Меня выгнали из зала, сказав, что мой экзамен не признают, и я останусь на второй год. Только через год с другим классом я должна была явиться на пересдачу. Посещение гимназии не планировалось, так как я окончила восьмой класс.

Что меня ждало дома? Ужас! Мама пришла в отчаяние. Начала кричать на меня, чего никогда не делала. Тогда я, чтобы запугать ее, решила убежать из дома, крича, что я покончу жизнь самоубийством, бросившись под автобус. Я выбежала. Мама, конечно, побежала за мной, за ней наша собачка, и последней бежала моя подруга, которая жила с нами рядом, и которая знала, что у меня будут неприятности. Так мы

пробежали два-три квартала и, уставши, повернули домой. Когда Мама успокоилась она начала думать, что можно сделать.

У нас был очень хороший знакомый профессор университета, который оказался начальником по работе всех представителей от сербского министерства, в том числе и моего врага. Ему с трудом удалось спасти меня. Господь хотел поучить меня. Но - не наказать. Меня спасла война. Учítывая, что год во время войны становился очень большим сроком, а свой экзамен я сдала блестяще, меня простили и выдали аттестат зрелости. Но лишили всех наград, которые мне полагались, и Мама на выпускном акте не сидела в первых рядах. Этим примером Господь показал мне, что он гордых не любит, и научил меня на всю жизнь всякую работу начинать, помолившись искренне и перекрестившись, зная, что без Его помощи мы ничто.

В 1944 году я с Мамой находилась в Бору. Окончив гимназию, мне удалось устроиться на работу на административную должность в рудник Бора, на охране которого стоял второй полк Русского Охранного Корпуса, где был Папа. Нам удалось быть вместе, но мало кому из членов Корпуса выпало такое счастье. Почти все были оторваны от своих семей. На Рождество мы с подругами решили провести и поздравить наших больных, лежащих в лазарете, чтобы внести немного тепла в их одинокую жизнь. Сделали маленькие подарки. Наши отцы, которые не курили, собрали для нас папиросы, выдаваемые им с пайком. Нашлось кое-что и сладкое. С этими маленькими пакетиками мы отправились в лазарет, где от одной кровати подходили к другой, разговаривая с больным, стараясь подбодрить его, развеселить, рассказывая нам о своей семье, оказать ему ласку и благодарность русских девушек, за то, что он пошел на подвиг, отстаивая идеалы Белой армии. У одной из кроватей стоял мой будущий супруг **Павлик**. Так мы с ним познакомились.

Павлик попал в Корпус с добровольцами из Румынии (Кишинёв между 1-й и 2-й Мировыми войнами принадлежал Румынии) и был совершенно одинок, оторванный от всего родного. Когда он приехал в Белград в штаб Корпуса, его определили в Бор в конный взвод при штабе 2-го полка, где служил Папа. Поводом послужила его слава знатока верховой езды и любителя лошадей. В Кишиневе Павлик участвовал в любительских скачках, и даже иногда брал призы. Один раз он нарочно пропустил некую барышню на первое место. Она шла на втором месте, а Павлик впереди всех. Тогда он нарочно притормозил свою лошадь и пропустил ее вперед. Она получила приз.

Будучи еще в Белграде, он солдатским сапогом натер палец на ноге, который начал побаливать. По дороге в Бор палец так разболелся, покраснел, распух, что начальство решило уложить Павла в немецкий лазарет в Нише. Не зная ни немецкого, ни сербского языков, он остался совсем один, но к нему хорошо отнеслись доктора и сестры милосердия. Начала краснеть и пухнуть вся нога, пошло заражение. Тогда еще не было сегодняшних лекарств. И чтобы спасти ногу, ему решили ампутировать

палец. Нога начала поправляться по великой Милости Божией. После того, как он в немецком лазарете пролежал некоторое время, его, уже выздоравливающего перебросили в Бор в лазарет при Корпусе.

В лазарете около Павлика в этот момент стоял офицер-инвалид, оглохший после 1-й мировой войны. (Потом он стал нам близким настолько, что в Аргентине мы также продолжали дружбу с ним. Он был совсем одинокий. Мы его и похоронили с Папой на кладбище в Санта-Кларе). Так как встреча наша состоялась перед Рождеством, а наша группа собиралась встретить праздник у меня в доме, то мы пригласили Павлика присоединиться к нам. Я всегда все рассказывала маме и, конечно, о таком событии, как наше посещение госпиталя, рассказывала подробно. Дошло дело до моего знакомства с Павликом.

Я очень весело начала говорить, что познакомилась с Сербом, и что он придет к нам в гости, чтобы, кроме всего, познакомиться с ней. Вдруг лицо мамы нахмурилось, голос стал строгий, и она начала меня сердито отчитывать: «Как ты смела так обидеть твою маму, не послушаться ее, какого-то серба приводить в гости, когда я всегда просила с сербами не вести дружбу и не уходить из русской среды.» Тут я спохватилась: «Мама, он русский, он не серб, это его фамилия Сербов, Серб". Недовольство Мамы исчезло без следа, и она познакомилась с Павликом. Мы очень весело справили праздник, и с этого дня он вошел в нашу группу.

Обязанностью конного взвода было – поддержание связи и служба в разъездах. Сам Бор был окружен бункерами, и доступ к нему был нелегкий для партизан. Пока мы там жили, все было спокойно. Но за линией бункеров глухой лес кишел партизанами, через которых надо было прорываться, чтобы выехать из Бора. В разъезд конников посылали группами или целым взводом, и почти всегда ночью. Но случай, который мне запечатлелся навсегда, произошел днем. Весь взвод был послан в разъезд. В конном строю всадники шли по лесным тропинкам, зорко осматривая все вокруг и, вдруг, неожиданно столкнулись с партизанами. Разделяла их только узенькая речка. Партизаны открыли стрельбу, и у них даже был один боец, который засел в кустах с тяжелым пулеметом. От его пуль падали листья с деревьев, надо было скрыться, спешившись с лошадей, и залечь в кусты. Расстояние было таким маленьким, что хорошо слышались крики партизан: «Сдавайся, братушка!».

Командир взвода приказал собрать всех лошадей вместе и отвести их вглубь леса подальше от реки. Перестрелка была очень сильной. К счастью наших всадников, один из них как-то подкрался к пулеметчику, и ему удалось убить его. Пулемет замолчал. Настала возможность постепенно отступить ползком, а потом шагом, разыскивая своих лошадей. Папа и Павлик оказались только вдвоем. Папа с молодых лет страдал сердцем. Иногда у него появлялась слабость в сердце, и тогда он обязательно должен был сесть и пожевать корочку хлеба. Помню, один раз, я еще маленькая, шла с Папой по улице. Вдруг ему стало плохо, и он

должен был сесть на тротуар. Посидев немного, он смог подняться, и мы пошли дальше.

Отступая, Папа почувствовал слабость, пришлось совсем замедлить шаг, и с помощью Павлика, он потихоньку шел. Так они дошли до остальных всадников, которые собрались у полотна железной дороги. Командир взвода послал Папу одним верхом в Бор к коменданту города – немцу, чтобы попросить помощь, так как только он говорил по-немецки. Пришлось ехать. Папа набрался сил и благополучно доехал до немцев, объяснив им обстановку. Немцы сразу же выслали бронированный поезд, с которым Папа тоже поехал, чтобы указать им место, где засел конный взвод. Немцы с бронепоезда обстреляли всю местность, и партизаны отошли. Взвод погрузился в вагоны, но лошадей погрузить не смогли, и их группой отправили с несколькими всадниками в Бор.

Об окружении конного взвода партизанами мы все сразу же узнали после Папиного посещения немецкой комендатуры. Начались наши волнения и переживания. И, вдруг, я вижу через окно, как по нашей улице идут всадники, и один из них ведет лошадь Павлика под уздцы. Сердце у меня замерло. Где же Павлик? Я не знала тогда, что многие всадники, в том числе Папа и Павлик попали на бронепоезд. Когда мы встретились, радости моей не было предела.

Быстро проходили день за днем, а также вечера. Мы продолжали встречаться, и в нашей группе крепла искренняя дружба. Никто не думал найти себе невесту или жениха. Время военное, тревожное, какая может тут быть свадьба. Но случилось как раз иное. Неожиданно Румыния капитулировала, и советская армия за одну ночь ее заняла, сбросив парашютистов. Таким образом, мы оказались в 28 км. от коммунистов. Ожидались тяжелые бои. Немцы решили вывезти своих тяжелобольных из Бора, и предложили жителям, кто хочет, вывезти женщин и детей. Папа сразу же решил, что Мама и я должны воспользоваться этой возможностью. Также поступили и отцы многих подруг. Нас оказалось несколько семей. Перед разлукой мы решили повенчаться, чтобы Господь связал наши души, если суждено нам обоим или кому-нибудь одному не пережить трудности войны, и дать друг другу слово о верной любви на всю жизнь.

Наша дружба вдруг перешла в любовь. Надо было быстро рассказать все Папе и Маме. Но как сообщить такую новость? Павлик пришел из казарм вместе с Папой, и мы сели пить чай. Как всегда шел оживленный разговор, и перебить его Павлик никак не решался. Вдруг загудела сирена. Налет. Потушили свет. По правилам надо было срочно бежать в казарму. И тут, в полной темноте Павлик решился: «Прошу руки Вашей дочери». После этих слов Папа с Павликом побежали в казармы, а мы с мамой остались вдвоем. Я рассказала Маме о нашем решении, как мы дошли до него, и как полюбили друг друга. Павлик, в свою очередь, в казарме рассказал все это Папе. Мама и Папа сразу же дали нам свое согласие и на следующий день благословили.

Во время 1-й Мировой войны Мама также последовала за Папой в полную неизвестность, и, пережив все, вспомнив свою свадьбу, они нас прекрасно поняли. Времени у нас совсем не было. Мы быстро побежали в сербскую православную церковь с просьбой повенчать нас. Но тут наткнулись на препятствие: за три воскресения до свадьбы батюшка после обедни объявлял о предстоящей свадьбе. Без исполнения этого правила он не соглашался нас венчать. Ему мог дать разрешение только епископ, который жил в уездном городе Зайгар, не очень далеко от Бора. Туда надо было ехать поездом, и мы поехали.

Нашли епископа, объяснили ему наше положение, и получили от него разрешение. Но разговор был длинный, и мы опаздывали на обратный поезд. Бегом пустились на вокзал, куда прибежали, когда поезд уже тронулся. На ходу мы все же вскочили в него, и благополучно вернулись в Бор. Утром мы узнали, что наш поезд был последний, который ушел из Зайгара. Ночью в Зайгар ворвались партизаны и всех немцев перерезали в лазаретах, на улицах и даже в домах. Павлик был в немецкой форме, и нашей участью была бы гибель на вокзале, если бы мы не успели на поезд.

В воскресенье 3 сентября 1944 года состоялась наша свадьба. Было много народу, и все глубоко молились, как за нас, так и за свою участь в наступающих боях. Кто-то из конного взвода раздобыл экипаж, запряг в него взводных лошадей, и мы после свадьбы объехали весь Бор. Также, где-то раздобыли хризантемы и мне преподнесли букет. Вечером состоялся небольшой «ужин», на котором кроме всех наших друзей присутствовал немецкий комендант Бора. Договорившись с нашим начальством, он сделал нам подарок - разрешил Павлику с немецкими гостями проводить нас до Белграда. Русское начальство приказало Павлику по приезду в Белград явиться в штаб Корпуса и получить новое назначение.

Итак, через два дня после свадьбы мы покинули Бор, оставив Папу одного в очень тяжелом положении. Не описать тяжесть нашей разлуки. Много слез было пролито. Немцы выбрали прямую дорогу, но она проходила через горы и глубокий лес. Из-за любой скалы или из-за кустов нас могли обстрелять партизаны. Но они на это не решились. Немецкий отряд был хорошо вооружен и довольно многочисленен. Мы ехали ночью на открытых грузовиках. Павлик ехал с нами. Крепко прижавшись друг к другу и к Маме, мы ехали молча и истово молились Богу, чтобы Он послал нам в будущем встречу, а не разлуку. До Белграда доехали благополучно, и вот настал момент расставания. Мы переехали по мосту реку Саву и попали на вокзал, где ждал приготовленный к отходу поезд, который увозил нас в Германию на черные тяжелые работы. Мы перекрестили друг друга несколько раз и крепко поцеловались.

Павлик повернулся и пошел пешком в казармы. Я долго смотрела ему вслед, вытирая горячие слезы, которые текли ручьями по моему лицу. Почти год мы ничего не знали друг о друге. Писали письма, но они не

доходили, все время менялось наше место жительства. Корпус отступал в немецком арьергарде, принимая на себя бои с партизанами. Перед этим он насчитывал 12 000 человек. В ходе боев 10 000 было убито. В числе 2000, оставшихся в живых, находились Павлик и Папа, которые встретились в плену у американцев. После окончания войны все мы посылали свои адреса в Интернациональный Красный Крест, где их разбирали и находили адрес того, кого искали. Так мы нашли друг друга.

Конец войны

Попав в Австрию в конце 1944 года, немцы Маму и меня определили на работы в военный госпиталь в Глаце в качестве чернорабочих на кухне. При приближении советского фронта из лазарета начали вывозить тяжелобольных вглубь страны. По моей просьбе нас присоединили к этим эшелонам, и мы очутились в Карлсбаде. Карлсбад состоял весь из отелей, в которых были устроены лазареты. Это был город больных и тяжелораненых. Там же стоял штаб Русской Освободительной Армии. Было начало апреля 1945 года. Однажды, я присутствовала на литургии в русской церкви (построенной когда-то русскими туристами, отдохавшими на курорте с целебными водами), на которой присутствовал также генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов. Он стоял близко от меня.

Вскоре все рассыпалось в нашем немецком лазарете, и мы очутились на воле. Штаб РОА начал спешно эвакуироваться. Нас приписали к семьям бойцов РОА, принимая во внимание, что мой Папа и муж служили в Русском корпусе. С эшелонам власовцев мы покинули Карлсбад под разрывы американских бомб. Они не посчитались с красными крестами, нарисованными на вагонах. Но очень далеко мы проехать не смогли. В глухом лесу рельсы были разобраны, и поезд остановился. Всем пришлось дальше пробираться пешком, кто как мог, чтобы выйти из леса на проезжую дорогу. У Мамы очень болели и распухли ноги, и она не могла идти. Она меня благословила и хотела отправить одну вперед, так как считала, что я молода, и у меня вся жизнь впереди, а сама решила остаться в лесу. Были слышны отдаленные взрывы приближающегося фронта. Но на это я, конечно, не пошла.

Видя наше отчаяние, один из воинов РОА почти взял Маму на руки, отдав мне свою винтовку, и так мы двинулись с трудом вперед. В одном месте в лесу он увидел маленькую хатку и недалеко от нее тачку, которую приказал мне привезти (украсть), что мне удачно удалось. Усадив маму в тачку, он провез ее 20 километров. Мы вышли на дорогу, но ни одна военная машина не подбирала нас. Наконец, на счастье, одна из них остановилась, и мы втроем влезли наверх. Так мы доехали до Зальцбурга, где нас заставили слезть. Мы очутились на улице одни. Наш спаситель, -

великая русская душа, у которого чувство помощи ближнему, оказалось сильнее, чем чувство самосохранения, присоединился к своей воинской части. С большой грустью мы расстались с ним навсегда. Но он оставил в наших душах глубокое уважение, бесконечную благодарность и вечную память о себе.

Когда мы остались в Зальцбурге одни, мы сразу же пошли по адресу, который нам дали, сказав, то там живет группа русских. В указанном месте стоял полуразрушенный дом в несколько этажей - бывшая гимназия. Поднявшись по ненадежной лестнице, в одной из комнат первого этажа, мы нашли наших соотечественников. Руководил всем в этой группе довольно молодой русский эмигрант из Германии. Посмотрев на наш ужасный вид (подошва одной моей туфли была привязана веревкой), он повел нас в комнату, и, войдя в нее, скомандовал: «Всем подвинуться и дать двум женщинам место». Подвинуться – это значило приблизиться как можно ближе один к другому на полу, где все лежали вповалку на каких-то тряпках и газетах. Нам удалось лечь на пол в эту толпу. Было холодно, голодно и страшно. Фронт приближался американский, и мы попали под американцев. Так мы прожили очень короткое время до 8 мая.

Ночью вдруг поднялась ужасная стрельба. Все гремело и тряслось от взрывов и выстрелов. По той же плохой лестнице, чуть ли не ползком (чтобы не подниматься во весь рост), мы с первого этажа спустились в полуразрушенный подвал, и, молясь, начали ожидать окончания налета. Долго продолжался наш «налет». Когда немного поутихло, мы вылезли из подвала, и что же? Окончилась война. Незадолго до этого мы оказались оккупированы американцами, которые, узнав об окончании войны, начали стрелять, гулять, пить и веселиться, ведь они остались в живых. Меня больше всего поразила американская распушенность. Американец одной рукой держал руль, управляя машиной, развалившись на сидении, и подняв ногу высоко до самого руля. Недавно я с удивлением узнала, что в России Великую победу празднуют 9 мая. Конечно, наши 23 часа ночи 8 мая равняются в России примерно 5-6 часам утра 9 мая. Такое огромное расстояние разделяет нас, что даже это знаменательное событие мы празднуем в разные дни.

Лагерь беженцев

На следующий день мы все присоединились к немецкому населению, которое начало грабежи немецких складов при лазаретах. Забирали подушки, одеяла, даже складные кровати и еду. Там же были американцы, которых интересовала только выпивка. Тут же, отбивая горлышко от бутылки, они напивались до потери сознания. Принеся все эти ценности в дом, мы уже обосновались в нескольких комнатах, и

вздохнули немного. Была еда, консервы и масло, и мы уже не лежали на полу. Через очень короткое время американцы начали наводить порядок, начали собирать всех, бежавших из своих стран и оставшихся в Австрии и размещать по национальностям в бараки бывших немецких военнопленных. Мы оказались в лагере Парш.

Это был большой лагерь у подножия горы за городом Зальцбург, где было много бараков. В каждом бараке - большое количество комнат, и в каждой комнате размещалось по 6 человек совсем незнакомых между собой людей. Так мы очутились в 9-м бараке (7-я комната), и к счастью, с хорошими соседями. Лагерем заведовал американский майор Маркевич, сын поляков, и это сыграло очень важную роль для спасения многих. Командир нашей маленькой первой группы (все, кто был в разбитом доме) стал его помощником. Поэтому, когда надо было начинать работать, мы оказались в лучших условиях и смогли устроиться на работу в лагере. Нам полагался американский паек солдата, но кроме этого нужна была одежда, а для этого необходимы были деньги. Мне удалось устроиться в бюро, где регистрировали приезжих и выдавали американские документы. Мама устроилась на кухне, но уже в качестве «кухарки».

Лагерь Парш предназначался исключительно для старых штатских русских эмигрантов, которые не служили ни в каких военных немецких частях. Царствие Небесное, да и вознаградит Господь Бог раба своего майора Маркевича. Для него все власовцы и корпусники были штатские старые эмигранты, и он подписывал всем новые документы, которые давали возможность жить на воле, и по ним переехать за океан... Много было нас - жен корпусников, и нашей главной задачей стал розыск плененного Русского корпуса. В этих поисках помог национальный Красный Крест. В бюро, где я работала, составили списки всех нас с адресом "лагерь Парш", которые и отправили в Красный Крест. Там просматривали все письма, сортировали их, находили разыскиваемых и сообщали их адреса.

Через некоторое время начали приходить письма, из которых мы узнали, что Корпус находится в плену у англичан на юге Австрии в городе Клагенфурт и расположен прямо в лесу. Наконец и нам пришло письмо. Нашему счастью не было конца. Папа и Павлик живы и здоровы. До сих пор благодарю Бога за Его особую милость к нам. Мы прошли ужасную войну, остались в живых и нашли друг друга. Когда я получила письмо, то в этот же день подобное письмо получила еще одна русская женщина, которую я знала по Белграду. Мы решили попробовать добраться до Корпуса и перевести наших мужей и Папу в Парш на штатское положение. Это была рискованная, трудная задача, но Мама благословила меня в путь, а я оставила ее в надежном месте. У нее все еще болели ноги, и она не могла много ходить. Нам надо было из американской зоны переехать в английскую, и с нашими американскими документами мы смогли доехать до Клагенфурта.

Вокруг города - горы, лес. Куда идти? Но язык доведет куда надо. Расспрашивая на улицах, мы узнали направление поиска и в конце концов оказались в глухом лесу. Кругом - ни души. И вдруг мы увидели на тропинке, на маленьком колышке, прибитую дощечку с надписью на немецком языке «Русский Корпус» и стрелкой, указывающей дорогу. Расположение Корпуса было не обнесено проволокой, и почти не было стражи. Корпусники сами себе из веток и листьев сделали шалаши, где едва можно было укрыться от дождя и холода. Спали также на листьях, на земле. Наконец, мы повстречали корпусников, которые нам подсказали, как найти наших родных. Папин шалаш стоял на маленьком холмике, и оттуда он как-то увидел меня. Не успела я дойти до холмика, как Папа бегом с него спустился, и я очутилась в его объятиях. Немного придя в себя, Папа повел меня к «дому» Павлика. Также невозможно описать, как мы с ним встретились. Этот момент счастья глубоко врезался в наши души и остался до сегодняшнего дня.

Моя спутница также встретила со своим мужем, и здесь мы расстались. Возвращались мы в Парш каждой своей дорогой. Встал вопрос, как можно скорей вырваться из плена. Мы с Мамой, когда было тяжело нести чемодан, бросали все вещи, но Папин штатский костюм и пару штанов берегли как святыню, предвидя, что может быть, им придется

быстро сбросить форму и переодеться. Так и сбылось. Я на своей работе получила от своего начальства настоящие американские документы для Папы и Павлика, но не знала, что с Павликом вместе находился его двоюродный брат **Коля Толмачевский**, который тоже добровольно из Бессарабии попал в Корпус. На него у меня не было документов. **Толмачевский Николай**

Николаевич (фото 2000-х годов) родился 21 января 1927 года в Кишиневе. Его отец - тоже Николай Николаевич Толмачевский имел небольшое имение близ Тирасполя. Мать происходила из старинного французского рода де Бонди. Николай Николаевич младший окончил Харьковский университет. В ходе 1-й Мировой войны добровольцем ушел на фронт.

Осенью 1943 года в Югославии вступил в Русский корпус, где служил в звании обер-ефрейтора. Воевал против югославских партизан, в феврале 1945 года был ранен. Взят в плен английскими войсками в Австрии, но выдачи в СССР избежал. В 1948 году выехал в Венесуэлу. Работал шофером такси, промышленным техником в г. Маракай. Женился, но брак был бездетным. Умер 19 сентября 2013 года.

В первую ночь все сбросили форму и переоделись. Хорошо, что было две пары штанов (одна досталась Коле), а мою теплую кофточку я также отдала ему. Как я уже писала, лагерь плохо охранялся (это были не немцы), и мы благополучно прошли все заставы. По знакомым тропинкам мы к утру пришли в город на вокзал. Оказалось, что поезда ходили плохо,

но нас посадили на паровоз, предварительно осмотрев все документы. Я страшно волновался за Колю, но ему как-то удалось проскочить между нами. Американскую зону от английской разделял туннель. И вот, мы на паровозе с одним только машинистом проехали через туннель и оказались на воле. Дальше добраться до лагеря Парш было легко. Не описать радость от встречи с Мамой.

В лагере Парш нам пришлось пережить два тяжелых события. Советское правительство требовало от своих союзников личной проверки всех русских лагерей, выясняя, кто по их законам подлежит возвращению на Родину. Для этого они сначала присылали в лагерь грузовики с плакатами «Родина-мать вас ждет», и по громкоговорителю уговаривали добровольно вернуться, обещая всякие блага сего мира. Очень малое число людей поверили им и оказались в карательных лагерях в России. Большинство людей, которые отказались возвращаться, должны были пройти советскую комиссию и доказать, что они старые штатские эмигранты. Надо было иметь документы. Спешно начали фабриковать их: жил там-то, работал там-то. В этом Папа принял непосредственное участие. Специальными чернилами на бумаге он рисовал печати, а потом переводил их на особую резиновую пленку (не знаю, как она называется). При прикладывании бумаги к этой пленке, с нее на бумагу переходила печать. Нам, старым эмигрантам, надо было еще обучать власовцев, как выглядит Белград, их места работы, название улиц, название сербских газет и другие мелочи. Так же надо было придать власовцам старый эмигрантский вид. Пиджак, рубашка, галстук, и почему-то, обязательно, перчатки. Эти вещи переходили от одного к другому, когда надо было идти на допрос.

В большой комнате за длинным столом сидели представители советской комиссии, а наш начальник лагеря майор Маркевич возглавлял допрос. Советчики, конечно, сразу же узнавали своих, задавая им каверзные вопросы, требовали немедленной выдачи, и хотели сразу же сажать их в грузовики. Но майор Маркевич с важным сосредоточенным видом медленно разбирал документы (он отлично знал, что они фальшивые) и, сделав вид, что он их хорошо изучил, говорил, что человек с такими документами по американским законам выдаче не подлежит, это старый штатский эмигрант. В дальнейшие споры он не вступал. Таким образом, он отстоял всех корпусников и всех власовцев, и из нашего лагеря насильно никого не увезли. Почти во всех лагерях в американской зоне людям удалось спастись.

Англичане поступали по-другому. В одной журнальной статье описывался ужас выдачи казаков в городе Минц на юге Австрии. Там погиб мой крестный отец **Алексей Григорьевич Богословский**. Он всю войну прошел в 1-м полку Русского корпуса, который был сформирован из казаков. Сам он, по происхождению помещик, владел имением в Тамбовской губернии по соседству с Папой. Оттуда и пошло их знакомство. Но ему очень нравились уклад жизни, мораль, патриотизм и

идеи казаков, и ему удалось попасть в так называемую группу «приписной казак». После этого он почувствовал себя кубанским казаком. Когда в частях Власова открыли школы для производства в офицеры, его пригласили преподавать в такой школе. Это случилось в конце войны. Так он попал к власовцам за несколько недель до выдачи.

Второе неприятное и страшное событие, которое мы пережили, было следующим. Проснувшись рано утром от необыкновенного шума, мы увидели, что наш лагерь окружен американскими танками, и солдаты ходят по лагерю. Первая страшная мысль: «Нас выдают», как выдали казаков в Лиенце. Мы уже знали об этой выдаче. Вдруг в барак входят несколько солдат и заставляют мужчин отойти в одну сторону барака, а женщин - в другую. Леночка уже родилась, так что я с Мамой и Леночкой на руках были разлучены солдатами с Папой и Павликом. Отчаяние наше не описать. Ничего сделать было нельзя. Солдаты обходили все комнаты, перерывая все вверх дном. Так продолжалось довольно долго. Как всегда, мы горячо молились. И вдруг, все танки, также неожиданно как пришли, - ушли, оставив нас там же, где мы и были. Когда мы пришли в себя, узнали, что несколько американских солдат отравилось водкой (самогоном), которую, как они заподозрили, вырабатывали в нашем лагере. Перевернув и осмотрев все, они у нас в лагере ничего не нашли.

По-прежнему ощущалась острая нехватка денег. Поскольку немцы на работу никого не принимали, нужно было найти себе работу внутри лагеря. Я продолжала работать в бюро, а Мама на кухне. Американцы дали помещения в бараках для того, чтобы люди открывали в них мастерские, кто что умел: сапожную, пошивочную, по починке платьев, механическую, по ремонту американских машин, фотографическую и т.д. Павлик открыл переплетную мастерскую. Переплетному делу он выучился в гимназии. Там это был прикладной предмет. Он переплетал книги, делал записные книжечки, тетради, дневники, альбомы. Павлик всегда был очень предприимчивым, энергичным и работающим. И вот, даже до сих пор он сам не знает, как ему пришло в голову делать чемоданы, которые всем очень были нужны. Постепенно американцы развозили беженцев в далекие страны, а настоящие чемоданы были очень дорогие, и не доступны для них. Он начал делать чемодан из картона и обклеивать его красивой бумагой, из легкого дерева он делал каркас. У нас сохранился один такой чемодан.

Для работы не было никаких машин, все делалось кустарным способом. Были небольшие пилочки, молотки, рубанки, клей, гвозди, картон, бумага, небольшой пресс и дощечки для каркаса. Доски из легкого дерева пилочкой разрезали на кусочки нужной величины, а потом рубанком закругляли и отшлифовывали напильником. Дальше каркас обклеивался картоном, который, чтобы он лучше ложился и сгибался, смачивали мокрой тряпочкой. Потом весь картон, который придавал чемодану форму, обклеивали довольно толстой цветной бумагой, и для крепости на концы чемодана набивали пояски. Все дощечки каркаса были

склеены столярным клеем и укреплены гвоздями. В городе Павел покупал для чемодана настоящие завесы, замок и ручку.

Дело пошло так хорошо, что у Павлика образовалась группа в 18 человек, которых он обучил такому ремеслу. Это были старые русские белые офицеры, которые воевали с ним в Русском корпусе. Потом Павлик с кем-нибудь из них обходил лагерь и там продавал чемоданы. Как в «матрешке», он клал в большой чемодан - поменьше, в него - еще поменьше, и так в двух руках оказывалось до 6-ти чемоданов. Их покупали нарасхват. Дошло дело до того, что их стали покупать немецкие магазины.

Но сначала он обходил еврейские лагеря. Почему еврейские? Потому что американцы первым делом занялись устройством евреев. Образовали еврейское государство (которое и сейчас существует), отобрали насильно земли в Палестине и начали заселять их евреями, которых вывозили из Европы. Первые партии евреев жители обстреливали и не давали им высадиться из парохода. Но Америка сильна, и пришлось ей уступить. Население территорий, куда евреи ворвались, до сих пор не может успокоиться, и потому там и сейчас идут раздоры. Один раз в еврейском лагере произошел такой инцидент, который запомнился на всю жизнь, и которым я хочу с вами поделиться. *(В оригинале во всех случаях вместо слова еврей используется другое слово).*

Павлика, как всегда окружили евреи-покупатели. Вдруг он услышал как несколько человек на румынском языке (евреи из Румынии) разговаривали между собой. Один из них говорил: «Этого немца надо убить. Он убил всю мою семью. Я должен ему отомстить, раз мне представился такой случай. Помогите мне». Вся группа поддержала его и начала наступать на Павлика. Когда они приблизились к нему, он на чистом румынском языке обложил их матом: «С ума вы сошли, какой я немец, никого я не убивал, я настоящий румын». От неожиданности они отшатнулись (видимо, не думали, что их могут понять) и отступили от Павлика. Он благополучно вышел из лагеря. Если бы разговор шел на другом языке, который Павлик не знает, не удалось бы ему уйти, никто не нашел бы его, евреи сумели бы его куда-нибудь выкинуть. В этот лагерь Павлик больше не ходил.

Дело развивалось, и Павлику даже приходилось ездить поездом в отдаленные лагеря, возить чемоданы туда, откуда приходили заказы. Изредка устраивались выставки, чтобы расширить продажу всех изделий мастерских. Предприимчивая группа артистов из Белграда и России объединилась и открыла в лагере театр. Особенно выделялась пара (брат и сестра из России) в балетных постановках. Ставили пьесы наших классиков. Бывали постановки даже русских опер. Конечно, нельзя было от них требовать многого, но слушали их с большим удовольствием. Каждые субботу и воскресенье были представления. «Зал» в бараке был переполнен, мы ходили почти всегда.

И вот, первая Папина работа в лагере – написание афиш. Они были больших размеров и из довольно толстой бумаги. Папа писал красками разных цветов, которые разводил в молоке. Крупными буквами - название пьесы, а дальше - фамилии артистов, режиссера, и час начала представления. Такие афиши развешивались во многих местах лагеря, так что на неделе у папы было много работы (афиши вывешивались также в других лагерях). Работал он в нашей комнате. Постепенно дело развивалось, и начали появляться заказы даже на разные темы продажи. На одной из сохранившихся у меня фотокарточек на выставке для немцев Павлик представляет вещишки из переплетной мастерской, а Папа написал «Переплетная мастерская». Он стоит с одним из своих сотрудников, который занимался продажей в немецкие магазины. В углу видна нарисованная Папой лошадь. На другой фотокарточке - папина работа с

темой одного доклада. Он также украшал записные книжечки.

12 октября 1946 года в Парше родилась Леночка (на фото Сергей Васильевич Вакар с дочерью Елизаветой Сергеевной, зятем Павлом Сербом и внучкой Леночкой в лагере "Парш").

Я была против обзаведения ребенком. Мне

было всего лишь 22 года. Вся жизнь была впереди. Много важных и нужных дел надо было сделать. Павлик же мечтал о семье. Но в момент, когда Леночка родилась, меня охватило чувство огромной любви к ней, а также чувство большой ответственности за ее жизнь. Держа ее на руках и укачивая (фото), меня почему-то мучила мысль: смогу ли я ее уберечь от болезней и неудачной любви. Об этом я много раз говорила Павлику и подругам. Я готова была отдать свою жизнь, лишь бы ей было хорошо. К большому нашему горю мои предчувствия сбылись. Жизнь ее сложилась трагически. Ни здоровья. Ни любви. Обо всем напишу подробно, когда

дойдет до этого дело.

В Америке собирали пожертвования и старые вещи для пострадавших от войны. В эти вещи американцы нас одели (предварительно мы их подгоняли в нашей мастерской). Когда Леночке было уже немного больше годика, нам пришлось пережить большую неприятность. Сгорел барак со всеми мастерскими, в том числе и мастерская Павлика. Павлик и я с Леночкой в колясочке смотрели на бушевавший огонь и тихо горько плакали. Причина пожара не была выяснена точно, но большинство склонялось к мысли, что это поджог наших противников-коммунистов.

Незадолго до пожара в Австрии произошел обмен денег. Деньги, которые были в ходу во время войны, заменили новыми выпущенными купюрами. Для немецкого населения осуществлялся полный обмен, а иностранцам (беженцам) выдавали только по 100 шиллингов (ничто). Чтобы не потерять необменные деньги, Павлик успел вложить их в материал – картон, бумагу, доски – все это горело очень легко, и сгорело дотла. Мы остались без ничего. Восстановить мастерскую не удалось. Павлик устроился продавцом в бакалейную лавочку, которой владел в лагере один человек. Заработок был минимальный. Так мы приехали в Аргентину - без денег, без связей, без знания языка.

Аргентина

В 1948 году из Чили к нам в лагерь пришло предложение о работе по различным специальностям для всех, желающих к ним приехать. Ранее такое же предложение сделала Венесуэла, но мы из-за тропического климата не решились туда ехать, хотя двоюродный брат Павлика Коля уехал туда с семьей своей невесты. Чили нас соблазнило, и мы записались. Причем Павлик записался (будете смеяться) как специалист по молочному делу. Он выдал себя за большого знатока этого дела с обширной практикой, приобретенной в колхозе во время войны.

Запись предусматривала ответы на несколько вопросов по выбранной специальности. Его экзаменующий спросил: "Сколько литров молока дает корова в день?" Не помню, что ответил Павлик, только экзаменатор признал его ответ неверным и сказал, что это очень много. Павлик набрался храбрости и начал спорить: "Я - знаток своего дела. То, что я говорю, это так и есть". Экзаменующий растерялся. Наверное, он хорошо не знал эту специальность (он опрашивал всех подряд по различным видам деятельности) и пропустил Павлика. Папу по его возрасту на работу не принимали, и они с Мамой вошли в члены нашей семьи. Павлик подписал документ, что он за них отвечает и будет их содержать. Мы не попали в первую партию отъезжающих, и нам пришлось ждать своей очереди.

Пока мы ждали, подобное предложение пришло из Аргентины. Аргентина нам нравилась больше, и мы переписались на отъезд туда, который вскоре и состоялся. В декабре 1948 года нас поэтапно, через различные проходные лагеря, из лагеря "Парш" под Зальцбургом привезли в Италию, в порт Генуя, где нас ждал американский военный пароход, во время войны перевозивший войска. Он был рассчитан на 900 человек. Койки располагались в три этажа в трюме. Мама, Леночка и я получили койки одна над другой. Матери, имевшие детей до 2-х лет, размещались в каютах, а Леночке было уже 2 года и 3 месяца.

6 января 1949 года мы покинули Европу. Волнений было много. С одной стороны, охватывало чувство страха, что мы остались даже без плохой лагерной крыши над головой, и кругом - море. В то же время мы радовались, что, наконец, сдвинулись с места и перестали прозябать. Мы возлагали надежды на лучшую жизнь, чувствовали силы в наших молодых руках, желание работать, встать на ноги и стать полноправными людьми. Как только вышли в открытое море, началась качка. Никогда не думала, что меня может укачивать, но надо было бороться, следить за Леночкой, хотя она чаще всего спала.

Вообще, большинство отъезжающих чувствовали себя очень плохо, лежали на койках и даже не выходили ни к обеду, ни к ужину. Американцы кормили очень вкусно и обильно. Папа и Павлик не поддались качке и ходили кушать. После многих лет голода они наслаждались обедами. Так как большинство людей лежали и не ходили в столовую, а еду американцы готовили на всех, то пришедшие получали добавку. В первый день Павлик съел 6 порций.

Пересекая экватор, все мы волновались. Павлик боялся воды и не мог смотреть на море, передвигаясь по палубе спиной к нему. Далеко в северном полушарии осталась наша любимая родина Россия. Теперь мы будем ходить "вверх ногами", все будет наоборот. Не будет нашего снега, который покрывал землю белой пеленой и приносил детям много радости (саночки, коньки). Было очень грустно, но в то же время надежда на лучшее побеждала.

Через 17 дней плавания на горизонте появилась земля, а затем постепенно начал обрисовываться город Буэнос-Айрес. Картина была очень красивой. Столица представляла собой большой роскошный город с испанской культурой. Мы этого не ожидали. Аргентина для нас все же была связана с индейцами, и вдруг - такой город, каких мало даже в Европе. Высокие здания, прекрасные парки, памятники, широкие улицы, много народа, что мне не очень пришлось по душе. Я привыкла к маленьким городам, окруженным красивой природой, главным образом, лесами. А окрестности Буэнос-Айреса - все те же дома, но уже меньшего размера, и надо было долго ехать, чтобы добраться до полей.

23 января 1949 года наш пароход вошел в гавань. Сразу же появилась аргентинская санитарная комиссия, которая всех подвергла осмотру. 24 января началась высадка. Багажа у нас было мало - два

больших и два маленьких чемодана. Большие чемоданы Павлик связал веревкой и перекинул через плечо так, что один чемодан висел на спине, а другой - на животе. Маленькие чемоданы он взял в руки и так начал спускаться по трапу под громкие аплодисменты и возгласы американцев. Я с Леночкой на руках, Мама и Папа последовали за ним.

Первая картина, которая произвела на меня огромное впечатление и осталась в памяти на всю жизнь, и которой я хочу с Вами поделиться - это лошади в шапочках. На пристани было много подвод с запряженными лошадьми, которые перевозили груз с парохода. В те времена для перевозки грузов еще использовали бедных лошадок, а не грузовики. Так как солнце жгло безжалостно, и не было тени, то лошадок предохраняли от палящих лучей, одевая им шапочки. На пристани аргентинское правительство построило здание для людей, откликнувшихся на их предложение о работе. Там были все те же койки в три этажа, но давали бесплатные завтраки и ужины. Обедом не кормили, так как внутри здания нельзя было оставаться после 8 часов утра и до 8 часов вечера. Мама с Папой и Леночкой отсиживали эти часы в парке около здания, а мы бегали, пытались узнать, как быть дальше. Всего в этом доме можно было прожить 10 дней, а потом надо было уходить, куда глаза глядят.

Наша партия была не первая, до нас уже прибыли несколько пароходов, и первые приехавшие с помощью церкви сняли большой особняк в центральной части города. Опять - те же койки, но уже за плату. Нужно было платить за каждую пережитую ночь. Необходимы были деньги, а их не было. Американцы нам дали по 5 долларов на человека. У нас собралось 25 долларов, но это было ничто. Нужно было спешно начинать работать, чтобы перебраться в особняк.

Тут же на пристани Папа и Павлик устроились красить грузовые пароходы, которые перевозили зерно. Нужно было спускаться в трюм и железной щеткой очищать железные стены от грязи и старой краски. Трюм заполнялся пылью, и было трудно дышать. После очистки наступало время покраски. Папа даже несколько раз на веревке висел за бортом парохода и красил его снаружи. За это хорошо платили. Утром, приходя на пароход, они сдавали свои документы, а когда кончали работу, документы возвращали вместе с 20-ю песо и маленькой бутылочкой вина. За 7 песо в день мы впятером хорошо кушали, платили за койки и собирали деньги, чтобы снять свою квартирку. Затруднение заключалось в том, что надо было давать залог за квартиру, равнявшийся трем месяцам оплаты.

Обычно грузовой пароход стоял крепко привязанный канатами к пристани, но однажды море было не спокойным, и его отодвинули на несколько метров для избегания ударов о стенку. Теперь, чтобы попасть на него, нужно было пройти по узкой доске над водой небольшое расстояние. Как Павлик не брал себя в руки, как не храбрился, но вступить на эту доску он не смог. Так закончилась его работа на пароходе. Папа же еще некоторое время продолжал работать.

Надо было спешно искать новое поле деятельности. В церкви нам сказали: "Начните обходить фабрики и таким образом ищите работу". Но когда начинали расспрашивать, не хватало знания языка, чтобы что-нибудь объяснить, да и специальности никакой не было. Успели только кончить гимназию, и то на другом языке. Обходя фабрики, мы обнаружили, что на одной из них шефом отдела оказался серб. Его вызвали, и он начал переводить вопросы и ответы. Кроме того, он пожалел Павлика, и по его рекомендации хозяин взял Павлика на работу в его же отдел в должности помощника механика. В механике Павлик не разбирался, но серб, давая ему работу, подробно рассказывал, как ее надо выполнять, что Павлику и удавалось с Божией помощью.

Фабрика занималась обработкой кожи. Туда привозили шкуры коров, из которых вырабатывали кожу для производства ботинок, сумочек и т.д. Очень скоро Павлику удалось устроить на фабрику Папу и одного хорошего знакомого. Папина работа заключалась в том, что он куски готовой кожи пропускал через особую машинку, которая измеряла ее величину в квадратных сантиметрах. А нашему знакомому досталась более тяжелая работа. Он должен был стоять по колено в растворе, в который опускали привезенные шкуры, а потом вынимать их и передавать дальше. Шкуры были большие и тяжелые. Но место работы имело постоянный статус. Жалование выплачивали два раза в месяц, и по аргентинским правилам высчитывали часть на будущую пенсию. Можно было уже подумывать о переезде из особняка в свою квартиру.

Мы стали собирать деньги. Знакомые посоветовали нам искать дешевые квартиры в южных окрестностях Буэнос-Айреса. Северные, также как и сам Буэнос-Айрес считались дорогими. Так мы и сделали. Сели в автобус, который шел в южную сторону и через окно рассматривали обстановку. Проехав 17 км., мы очутились в местечке, где посреди дороги росли пальмы. Место мне понравилось, но мы не успели выйти из автобуса. Пришлось ехать до следующего пункта - Темперлей. Примерно 10 кварталов от железнодорожной станции были застроены, а дальше начинались кварталы с двумя-тремя домиками, что нам понравилось.

Начали расспрашивать редких прохожих про квартиры. Кое-что мы уже умели сказать по-испански. Таким образом, нам удалось снять домик в 20 кварталах от станции. Квартирка была из двух комнат, столовой, кухни, чуланчика и коридора. Папа и Мама разместились в столовой, мы в одной комнате, а другую с коридором сдали одним уже не молодым супругам, чтобы меньше было платить за аренду. Мы остались с кухней, а они кухню оборудовали в коридоре. Потом в чуланчике мы приютили старого глухого инвалида - участника белого движения, раненого в России и оставшегося глухим. В Югославии он добровольно вступил в Русский корпус. Когда мы встретились с Павликом в лазарете, он стоял около нас. Мы познакомились, а потом и подружился. У него никого не было. Сейчас его гробик лежит вместе с Папой и Мамой в Санта Кларе. Так мы

дожили до своей квартирке в Тамперлее, куда с большой радостью переехали из особняка.

Итак, мы очутились в Тамперлее, в 20 кварталах от железнодорожной станции, почти в поле, так как вокруг было очень мало домиков (на фото Павел Серб с дочерью Леночкой в Аргентине). Папа и Павлик продолжали работать в Буэнос-Айресе на фабрике по обработке кожи. Для экономии денег они не пользовались автобусом, который шел мимо дома, а проходили 20 кварталов до станции и со станции пешком. В Тамперлее садились на поезд и проезжали 18 км. до окраины Буэнос-Айреса. Оттуда под городом доезжали до последней станции подземки, где снова пересаживались на поезд, довозивший их до места работы.

Фабрика располагалась близко от станции, и не было проблемой пройти до нее пешком. Так они проработали почти два года. За это время Павлик довольно хорошо научился говорить по-испански, а Папа немного хуже. Но Папа прекрасно владел немецким языком и с помощью немецкой газеты, издававшейся в Буэнос-Айресе, устроился чертежником в немецкую фирму, находившуюся в центре города и производившую электрические машины. Он проектировал отдельные части этих машин.

На кожевенной фабрике, как я уже писала, начальником отдела, где работал Павлик, был серб, который очень хорошо к нему относился. Он обучил Павлика механике - уходу за машинами и их ремонту. Однажды он сказал Павлику: "Сейчас в стране развивается текстильное дело, а людей знающих мало, так что можно хорошо устроиться". Чтобы избавиться от такой длинной дороги Павлик решил перейти на какую-нибудь текстильную фабрику, только поближе к дому. И ему повезло.

В соседнем местечке Ломос де Замора оказалась довольно большая

текстильная фабрика куда Павлика сразу же приняли, после того, как он ответил на все вопросы директора, который оказался польским евреем (в оригинале использовано другое слово). Разговор шел на русском языке. На эту фабрику Павлик ездил на велосипеде (фото Елизаветы Сергеевны Серб (Вакар) с мужем Павлом и собаками).

Так Папа и Павлик проработали два года.

Мне тоже надо было работать. Мама занималась домашним хозяйством и ухаживала за Леночкой. Я была освобождена от этих обязанностей. Поэтому я тоже поступила работать на фабрику, куда мне помог устроиться хозяин арендуемого нами дома. В одном квартале от нашего жилья находилась маленькая "фабрикушечка", которая производила перламутровые пуговицы. Хозяином фабрики был японец. (Вся Аргентина заселена правнуками, внуками, детьми эмигрантов, приехавших на работу со всего света. Они хорошо зарабатывали и хорошо жили).

Фабрика представляла собой небольшой деревянный барак с железной крышей и очень маленькими окнами. Конечно, летом внутри барака все очень нагревалось, пот так и катился с рабочих, которых было около 30 человек. А зимой стоял холод. В бочке разжигали уголь, но он больше дымил, чем согревал. Из большой морской раковины первая машина вырезала кружочки - будущие пуговицы. Эта работа была трудной, и ее выполняли мужчины. Потом эти кружочки переходили на мою машину, которая делала на них кантик. От меня они переходили дальше, где следующая машина проделывала дырочки. На последнем этапе пуговицы шлифовали и передавали работнице, которая пришивала их на картонку для продажи.

Моя машина представляла собой щипцы с тремя лапками, которые при работе расходились и формировали отверстие, в которое вкладывался кружочек. Это отверстие могло быть разного диаметра, в зависимости от величины пуговицы, его размеры устанавливал механик. Щипцы были связаны с ручкой, на которой находился цилиндр, а внутри его точильный камень, диаметр которого также зависел от величины пуговицы. Точильный камень начинал крутиться, когда ручка подходила к щипцам (этот момент также устанавливал механик).

Работа была сидячая. Правой рукой - то отодвигаешь ручку от щипцов, когда кантик готов, то, наоборот, придвигаешь ее к щипцам. Наконец наступает момент, когда точильный камень начинает соприкоснуться с пуговицей и, крутясь, выпиливает серединку, оставляя кантик вокруг пуговицы. Труднее всего было научиться с какой силой и сколько времени прижимать камень к кружку. Кантик должен был быть ровным, ясным и красивым. Если я прижимала сильно или долго, - кружок ломался, если мало, - то кантик не получался.

Под левой рукой в коробке лежали нарезанные кружочки. Кружок нужно было взять большим и указательным пальцами, положить в открытое отверстие и приблизить ручку, чтобы камень начал крутиться, выпиливая середину. При этом поднималась обильная белая пыль, которая покрывала нас с ног до головы. Прямо с фабрики мы шли купаться. Большой палец левой руки был всегда поцарапан и заклеен пластырем. Готовые кружочки падали в корзинку и сдавались на проверку. Специальная рабочая проверяла качество, откладывая хорошие и плохие

кружочки в разные стороны. Потом обе кучки взвешивались. Надо было выполнить определенную норму. Если сделано больше - полагалась премия, если меньше - высчитывали из жалования. Фабрика была официально зарегистрирована, поэтому мы были защищены рабочим синдикатом. Определенные деньги откладывались на пенсионный счет, за что я сейчас благодарна.

Это уже история. Сейчас не найти таких пуговиц. Их заменили пластиковые, которые гораздо легче изготовить и, соответственно, дешевле продать. Из-за появления на рынке этих пуговиц, нашей фабрике пришлось закрыться. Она не выдержала конкуренции. Так я проработала 3 года до апреля 1953 года. Все это время мы думали, как купить участок и начать строить собственный домик, что нам с Божией помощью и удалось.

*На этом письма обрываются. Известно, что Елена Павловна Серб стала врачом, вышла замуж, тоже за врача, и родила двоих детей - Наталью и Александра (на аргентинском фото 70-х годов Елизавета Сергеевна Вакар (Серб) с внуком Сашей). О ее муже сведений нет. Дети живут в Аргентине и не говорят по-русски. Сама Елена Павловна прожила недолгую жизнь. Ее единственная "взрослая" фотография с дедушкой Сергеем Васильевичем Вакаром датируется 1976 годом (на обороте этого фото рукой Елизаветы Сергеевны написано: **"Последняя Папина поездка на море перед его болезнью. Последние годы своей жизни он прожил в Тамперлее. Mar del Plata 1976 г. Папа со своей внучкой Леночкой"**).*

